

Г.В. ХЛЕБНИКОВ

**КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ НАУЧНЫХ,
РЕЛИГИОЗНЫХ И ОККУЛЬТНЫХ ВЗГЛЯДОВ
И. НЬЮТОНА**

Термин «когниция» (от латинского *cognoscere*, «знать, познавать, узнавать») используется в различных контекстах в связи с функцией, которая близка человеческой способности получения информации и прикладного знания.

В когнитологии познание и мышление понимаются как информационные процессы, ее задача – объяснение того, как человеческое существо получает информацию в виде внешних сигналов, хранит и обрабатывает ее, а также направляет ее и распоряжается ею. Сознание, его структуры и происходящие в нем процессы рассматриваются здесь с точки зрения обработки информации, картина формируется на ней.

Когниция или когнитивные акты могут быть природными и искусственными, сознательными и бессознательными. Они могут анализироваться в различных перспективах и в разных ситуациях. В психологии и системах искусственного интеллекта этот термин применяется в связи с ментальными процессами и функциями интеллектуальных систем и образований (людей, автономных роботов, человеческих коллективов) с особым вниманием к таким их актам, как понимание, обучение, планирование, принятие решений, мышление. Причем последние в этой парадигме рассматриваются как модули преобразования информации, работающие по принципу «черных ящиков»: существенны их функции, но не физическая субстанция.

В нижеследующем тексте класт термина «когниция» будет использоваться в этимологически самом первом, вышенназванном

значении для анализа ментальных процессов человека (И. Ньютона) при получении информации и прикладного знания; интенциональных состояний и структур его сознания, направленного на изучение как природных, так и искусственных предметов и явлений, не только самого по себе, но и как включенного в некоторые социальные общности.

Цель исследования – посредством применения комплексного подхода – выявление своеобразия и специфики генеративной матрицы мышления одного из самых выдающихся английских ученых второй половины XV – начала XIV в., с тем чтобы по возможности выделить ее креативную составляющую, зафиксировать критические для творческой активности структуры, связи и отношения модуля сознания.

Ввиду появления в общем доступе большого массива документов, которые однозначно указывают на существенное место религиозных и оккультных элементов в мышлении Ньютона, пересматриваются уже не только мотивы и инспирации его научной деятельности, но и само значение ученого (он, например, уже начинает рассматриваться прежде всего как теолог, алхимик и мистик, а затем уже как математик и естествоиспытатель). И для подобных заключений, вероятно, есть некоторые основания. Действительно, в личной библиотеке Ньютона, насчитывавшей к моменту его смерти 1752 тома, было 477 книг по теологии, 169 по алхимии, 4 книги, имевшие отношение к астрологии, 126 по математике, 52 по физике, 33 по астрономии (11). Это была необычная библиотека, подбор книг в которой тем не менее многое может сказать о познавательных ориентирах владеющего ею ума. Так, в ней были сочинения Платона, Ямвлиха, Прокла, Архимеда, Евклида, Плутарха, Иринея, Иоанна Златоуста, Фотия, Агриппы, Я.Б. ван Гельмонта и Ф.М. ван Гельмонта, двухтомник Каббалы, изданный Кнором фон Розенротом, книги Ф. Бэкона, А. Арно, Р. Гука, Н. Мальбранша, Р. Декарта, Т. Гоббса, П. Гассенди, Дж. Рафсона, И. Барроу, кембриджских платоников Р. Кедвортса, Н. Кемберленда, Г. Мора (с маргиналиями Ньютона). Но при этом не было ни одной работы Аристотеля, ни одного трактата Альберта Великого, Фомы, Бонавентуры или еще кого-либо из великих схоластов (7).

Таким образом, даже на этой стадии анализа заметно, что мышлению ученого была внутренне настолько чужда католичес-

кая традиция, берущая свое логическое и концептуальное основание в античности из трудов Аристотеля и нашедшая вершину развития в работах Фомы Аквинского, что он не пожелал иметь в личной библиотеке даже томов Альберта Великого и Бонавентуры – несмотря на свой выраженный интерес к оккультному и мистическому, что, в свою очередь, подчеркнуто наличием не только классических произведений Платона, Ямвлиха и Прокла, но и книг Агриппы и даже Каббалы. В то же время широко представленные творения таких мыслителей, как Ф. Бэкон, А. Арно, Н. Мальбранш, Р. Декарт, Т. Гоббс, П. Гассенди и др., свидетельствуют о несомненной склонности ума владельца библиотеки к рациональному, ясному и логическому мышлению.

Состав библиотеки Ньютона, по-видимому, может указывать на многомерность и в то же время амальгамирование его сознанием в одно целое оккультных, мистических измерений реальности и рациональных, логичных и строго научных подходов. И действительно, подсчитано (Лу Верлэ), что известные произведения Ньютона насчитывают 1,4 млн. слов в теологии, 550 тыс. в алхимии, 150 тыс. в монетном деле и 1 млн. – в научных вопросах. Поэтому, приходит к заключению этот исследователь, скрывая свои секреты, Ньютон-маг утаил также алхимическое, герметическое и эзотерическое измерения, которые освещали его исследования. И, можно добавить, насыщали его сознание и мышление. С этой точки зрения и побеждающая в нем наука также скрыла свою сложную генеративную структуру, ту чрезвычайно насыщенную различными ингредиентами и сложную почву, которая генерировала прорывные идеи, сформировавшие основы современной технократической цивилизации (12). Но Ньютон и сам говорил, что занимается математикой и физикой только для того, чтобы развить свой ум до настоящего интересного дела – теологии (3). И, судя по вышеприведенным фактам, эта фраза не была ни шутливой, ни случайной. Однако развитие ума предполагает и абсорбцию знаний, которые расширяют сознание, открывают его для восприятия новых, неожиданных модусов понимания устройства и функционирования мира вокруг нас. А обращение Ньютона в поисках подобной информации к массиву религиозного и оккультного знания, восстанавливющему античный интеллектуальный синкретизм, следует, по-видимому, признать хорошо продуманным и сознательным решением.

Интерес к этому вопросу проявляет, вероятно, и Л. Кнорина, когда отмечает (5), что один из крупнейших современных исследователей работ английского гения, Попкин (Popkin, 1988), ставит вопрос именно так: почему столь крупному теологу, каким являлся Ньютона, понадобились физико-математические исследования?

Учитывая выдающиеся результаты мышления ученого в этих последних, односторонним представляется как этот подход (выраженный в вопросе), так и противоположный, преобладавший до последнего времени и вообще не принимавший во внимание место и роль религиозно-оккультных элементов в сознании Ньютона. Несколько забегая вперед, можно предположить, что оба когнитивных элемента не только дополняли, но и значительно усиливали эффективность мышления гения в этих кажущихся вначале взаимоисключающими сферах деятельности человеческого ума.

Крупнейший знаток манускриптов Ньютона и нобелевский лауреат по экономике лорд Кейнс (Keynes), например, называет его «иудейским монотеистом школы Маймонида». Указывается также, что существенная часть наследия Ньютона посвящена экзегезе Библии, причем в своих интерпретациях Ньютон активно ссылается на иудейскую традицию (включая Талмуд). Таким образом, религиозный сегмент его сознания отнюдь не ограничивался одним официальным англиканством (и, как увидим далее, весьма своеобразным), а, трансцендируя его, включал в себя наряду с сакральными первоисточниками в оригинале также концептуально и методологически чрезвычайно разработанную иудаистскую традицию, которая тоже имеет свою мистику и тайные знания.

Тем самым одной из доминант сознания ученого оказывается фиксация на тайном и сокрытом (оккультном), которое, очевидно, оценивается им как важный источник валидного знания.

В связи с этим представляется эвристичным более детально эксплицировать когнитивные аспекты связи научных, религиозных и оккультных взглядов ученого, попытаться прояснить, каким образом протекал креативный процесс мышления этого уникального гения (заложившего, в том числе, основы современной научной парадигмы). На что он обращал внимание, как думал, на основе каких положений судил и оценивал, с кем предпочитал общаться и к кому (и чему) обращаться, – рассмотреть сам механизм выработки им революционизирующего знания.

Одна из целей в подобном подходе, вероятно, – выявление совокупности устойчивых формально-динамических качеств личности, которые не только мотивируют, но и существенно определяют индивидуальные особенности решения им различных познавательных задач, обращение к тем или этим специфическим источникам информации, и в первую очередь к текстам (в то время это были преимущественно книги и рукописи), из которых и абсорбируется последняя.

Однако анализ этих «ненаучных» интересов ученого и, соответственно, связанных с ними аспектов его когниции по-прежнему затрудняется тем, что полностью труды Ньютона до сих пор не опубликованы. Нет даже общего описания всех сохранившихся рукописей. При этом, отмечает Кнорина, начиная с самого Ньютона, нежелание публиковать его теологические труды нельзя считать случайным. При жизни их публиковать было небезопасно, так как взгляды Ньютона расходились с общепринятыми и могли быть сочтены преступными из-за близости к унитаризму (противникам догмата Троицы), официально запрещенному в 1572 г., но унитариями в эпоху Реформации называли и иудеев. Аналогичные опасения препятствовали публикациям и после кончины Ньютона. Известно, что сразу после его смерти в 1727 г. рукописное наследие ученого было просмотрено д-ром Томасом Пелетом, назначенным для подготовки его к печати, который на 84 из 85 объектов просмотра поставил резолюция «not fit to be printed. Tho. Pelet» (непригодны к печати) (5). Уже сам факт подобной почти тотальной социальной неприемлемости результатов интеллектуальной деятельности дисциплинированного и креативного ума указывает на трансцендирование последним устанавливаемых актуально существующим обществом обязательных для большинства его членов концептуальных границ, а следовательно, и на когнитивную свободу как основу творческого мышления Ньютона, без которой, наверное, последнее в столь яркой и эвристичной форме было бы невозможным.

При этом, хотя в 1728 и 1733 гг. были опубликованы две его ранее не издававшиеся книги, посвященные анализу текста Библии, дальнейшие публикации из этого сегмента архива, несмотря на многочисленные попытки родственников Ньютона, прекрати-

лись. Лишь еще один манускрипт вышел в 5-томном (так называемое «полное») Собрании сочинений Ньютона 1777 г.

Кнорина отмечает, что подобное длящееся вплоть до середины XX в. отношение к «ненаучным» рукописям Ньютона вызвано несоответствием между сложившимся представлением о фигуре Ньютона и его подлинными интересами; можно добавить – внутренними детерминантами его ума, который, видимо, далеко превосходил понимание тех, кто должен был оценивать результаты его деятельности. В то же время осознание подлинной комплексности этого типа мышления, объединяющего, обобщенно говоря, явно научное – и оккультное – знание – и веру, возможно, помогло бы зафиксировать реальные условия формирования креативного сознания, указать на необходимые содержательные элементы, дающие вместе то кипение конкретного разума, из которого генерируются научные открытия и рождаются глубокие духовные прозрения.

Строгость и ясность научного мышления, по-видимому, дают религиозному поиску необходимую логическую последовательность и требование обоснованности движения каждого мыслительного шага, в то время как духовная глубина и вселенский горизонт религиозно-мистического видения мира, в свою очередь, придают первому интегративность, глобальность и телеологическую завершенность, энтелехиальность.

Однако аналогичное пренебрежение к подлинному Ньютону проявляли не только издатели, но и научные библиотеки, постоянно «не находившие» места для его неопубликованного наследия и тем самым, наверное, лишавшие научную общественность возможности получить адекватное представление не только о том, что же представляет собой в полной мере наследие величайшего ученого, но и о том, *как* он шел к этим открытиям.

Посредством сокрытия этого знания научное мышление искусственно лишалось своего мистико-духовного измерения и канализировалось в узкорациональное и бездуховное русло, приведшее, как сейчас стало очевидно, к техницистской и прагматичной цивилизации, не способной учесть глобальные последствия своей деятельности.

Однако в конце концов после неоднократных отказов научных библиотек принять на хранение рукописи, а также после возврата части уже хранившихся рукописей из кембриджской биб-

лиотеки родственники Ньютона продали остававшиеся у них манускрипты. Тогда собрание неопубликованных работ Исаака Ньютона было выставлено на аукцион Сотсби (Sotheby) Джеральдом Уоллопом (Gerard Wallop), девятым графом Портсмутским, унаследовавшим их от внучатой племянницы Ньютона. Известные как «Портсмутские бумаги» (Portsmouth Papers), эти материалы составляли 329 лотов манускриптов английского гения, более трети которых были алхимическими. Признанные «негодными для публикации» сразу после его смерти, они пролежали в безвестности вплоть до этого аукциона, раскрыв, таким образом, тайну мышления своего автора только в XX в.

Многие из них приобрел один из самых компетентных экономистов XX в., лорд Кейнс (John Maynard Keynes), всю жизнь собиравший алхимические работы Ньютона. Отрывки из его коллекции, со временем частично перешедшей в библиотеку Кембриджского университета, были опубликованы в 1950 г. (13). Большая часть коллекции была приобретена библиейстом профессором А. Ягудой (A.S. Yahuda), который затем купил и большую часть коллекции Кейнса. Он тщетно пытался подарить их в библиотеки ряда известных американских университетов, но предложения были отвергнуты (несмотря на ходатайство Эйнштейна!) за «недостатком места». Впоследствии – по завещанию Ягуды – это собрание попало в Национальную библиотеку Израиля (5), став, наконец, хотя бы отчасти доступным для ученых.

Всего же, замечет Ф. Моррисон (8), существуют пять крупных собраний его рукописей. Ньютон, пишет этот исследователь, постоянно и упорно работал на протяжении всей своей долгой жизни, не давая себе ни дня отдыха, и умер в возрасте 86 лет. Пятьнадцать лет он употребил на то, чтобы очистить свои труды по теологии, предназначенные для печати, от неканонических утверждений, но перед смертью тем не менее отказался от святого причастия, предлагаемого англиканской церковью (8), явно подтвердив тем самым твердость своих когнитивных религиозных установок, веры и убеждений.

Представляется возможным более детально рассмотреть различные аспекты его интересов и связанные с ними модусы мышления.

В статье из Википедии «Оккультные штудии Исаака Ньютона» (13) эти последние классифицируются как исследования в области хронологии, алхимии и Библии (особенно Апокалипсиса). В этой статье указывается, что научные исследования, по-видимому, были для английского гения субъективно менее важны, так как он большее внимание уделял раскрытию оккультной мудрости древних. После покупки и изучения алхимических работ Ньютона в 1942 г. Дж.М. Кейнс высказал предположение, что «Newton was not the first of the age of reason, he was the last of the magicians»). Действительно, кроме алхимии, с помощью которой он разыскивал философский камень, его библейские исследования фокусируются на Храме Соломона, пророчествах, он предсказывает конец мира. Его хронология включает в себя Атлантиду, он общался с членами тайных обществ: розенкрайцеров, масонов, возможно, других. При этом, отмечает этот исследователь, хотя подход Ньютона к подобным занятиям не может считаться «научным», он писал так, словно его открытия были результатом основанных на очевидности исследований.

Тем самым, по существу, признается, что научно образованный ум ученого находил в перечисленных «ненаучных» оккультных топиках аналогичный уровень ясности и достоверности, как и в более конвенциональных исследованиях. Заслуживает внимания также внутренняя тематизация Ньютоном в каждом топике именно наиболее таинственного и мистического аспекта: в алхимии – это философский камень; в библейских штудиях – Храм Соломона, с которым связываются многие чудеса; полная тайн Атлантида – в далеком прошлом (в истории); и, наконец, в круге контактов – представители секретных орденов и учений, к адептам которых, как увидим далее, причисляли и его. Таким образом, личность ученого оказывается органично вписанной в этот контур: его разум постоянно изучает тайны прошлого; он практически годами занят получением вещества, обладающего сверхъестественными, чудесными свойствами; социально ангажирован в общение с лицами, которым приписывают аналогичные занятия и деятельность. Психологически он также мало, если вообще как-то, отличается от них. Очевиден вывод: этот аспект жизни, деятельности и мышления не является ни случайным, ни маловажным в существовании

Ньютона, а, несомненно, выражает сущностную характеристику его личности.

В этой же статье отмечается, что большая часть известного как оккультные штудии И. Ньютона может быть атрибутирована его занятиям алхимией. Ученый глубоко интересовался всеми формами естественных наук и теорией материи, что и привело его к некоторым наиболее известным естественно-научным открытиям. Однако химия в это время находилась еще *in statu nascendi*, поэтому в своих экспериментальных исследованиях он использовал эзотерический язык и терминологию, которые больше связаны с алхимией и оккультизмом, чем с собственно наукой (13).

Но при этом упускается из виду, что И. Ньютон, используя эзотерический язык и терминологию алхимии, совершенно иначе мыслил и понимал химические процессы и строение материи, так что именно этот необычный символический код и уникальная семантика давали ему, по-видимому, возможность по-другому осознать последние и сделать свои великие открытия.

И действительно, Бауэр пишет (12), что, согласно Ричарду Уэстфоллу (Richard Westfall), Ньютон погрузился в алхимическую литературу в 1669 г., а Бетти Джо Титер Доббс (Betty Jo Teeter Dobbs) утверждает, что он прочел по этой теме все, что когда-либо было напечатано, и многое из того, что не печаталось. Так, многочисленные рукописи из окружения Хартлиба копировались самим Ньютоном, а Р. Бойл, его друг, служил связывающим звеном с розенкрайцерами и алхимиками. Ньютон даже создал из своего имени псевдоним, сделав из *Isaacus Newtonus – Jeova sanctus unus*, что позволило ему обмениваться манускриптами со своими корреспондентами, оставаясь анонимным. В личном архиве гения огромное количество рукописей несут на себе его пространные комментарии: Филалета «*Secrets Reveal'd*» (1669), Сендиногия (Sendivogius) «*Novum Lumen Chymicum*», Эспанета (Espagnet) «*Arcanum hermeticae philosophiae*», Майера «*Symbola aureae mensae duodecim*», «Сочинения» (the Opera) знаменитого английского алхимика Г. Рипли (George Ripley), «*Triumphal Chariot of Antimony*» Базиля Валентина (Basil Valentine) и т.д. Английский ученый был заворожен идеей трансмутации металлов. «Далекий от поисков золота, он стремился познать природу», – пишет о Ньютоне Жак Бламонт, но, надо заметить, Ньютон не был чужд и поисков «философского камня», с

помощью которого как раз и получают, среди другого, алхимическое золото. Он хотел также выделить ртуть – базовый элемент в алхимических процессах, и это, вероятно, стало одной из причин расстройства его здоровья и смерти (12).

В.Н. Порус (10) также отмечает, что великий англичанин с конца 1660-х годов занимался алхимическими исследованиями, и в рукописях этого периода пишет, что механика должна быть дополнена «более глубокой натурфилософией», исследующей действующие начала природы помимо движущихся частиц материи. В конце 1670-х годов Ньютон работал над алхимическими трактатами «Разделение элементов» и «Ключ» (в последнем рассматривалась связь между движениями звезд и разложением металлов, включая золото). Эти трактаты не были опубликованы. В это же время Ньютон пришел к выводу о недостаточности механических принципов для построения исчерпывающей картины природы и в письме к Р. Бойлю (1679) высказывал сомнения в существовании эфира, игравшего столь существенную роль в механистическом мировоззрении. Таким образом, углубленная рефлексия и алхимические опыты над структурой вещества привели ученого к отрицанию последнего и, наверное, способствовали выработке нового взгляда на строение мира.

Законы природы, полагал Ньютон, вечны и неизменны, они выражают собой установленный Творцом порядок вещей. Чтобы завести мировой механизм, Бог должен был придать ему первоначальный импульс, сообщить исходное количество движения. То, что возникло, – поразительный по красоте и совершенству гармонический механизм, – является лучшей демонстрацией существования Бога, его создателя (10).

Тем самым, сравнивая теоретически полученные формулы с их действием в наблюдаемом Универсуме, Ньютон обратил внимание на сверхъестественную красоту возникшего феномена, а красота Космоса, как писал еще Платон, – это одно из проявлений высшего Блага, т.е. Божественного Начала, что и стало еще одним аргументом в подтверждение концепции творения.

Интерпретация мира, в котором живут люди, как сконструированного Богом парадоксально сложного и совершенного механизма, управляемого через особые и разнообразные законы, в XX в. получила дальнейшее развитие в виде известного антропного

принципа, который считается наиболее правдоподобным для объяснения бесконечно малых вероятностей совпадения и согласования десятков и сотен (если не тысяч) факторов, необходимых для создания условий возникновения человечества.

При этом многие его работы по алхимии погибли во время пожара в лаборатории Ньютона, поэтому количество трудов учёного в этой сфере должно быть больше, чем известно сейчас. Согласно преданию, в огне, возникшем из-за собаки Ньютона (13), погибли результаты 20-летних исследований. Из работ учёного следует, что одной из главных целей его алхимических занятий должно было стать открытие философского камня (субстанция, которая, как предполагалось, обращает металлы в золото) и, в несколько меньшей степени, нахождение эликсира жизни. Некоторые алхимические практики во времена Ньютона в Англии были запрещены – частично из-за жуликов, которые обещали своим состоятельным клиентам нереалистичные результаты. Кроме того, Корона, опасаясь возможного обесценивания золото, если философский камень все же откроют, сделала кару за несанкционированные занятия алхимией чрезвычайно суровой: в некоторых случаях за это полагалась публичная казнь через повешение на позолоченном эшафоте. Возможно, именно поэтому Ньютон добровольно оставил свои работы в этой области неопубликованными. Наконец, будучи перфекционистом по природе, он воздерживался от публикации материалов, которые, как ему представлялось, были еще не завершены.

Но нельзя исключать и иных причин. Из материалов, проданных на аукционе 1936 г., ряд документов артикулируют интерес Ньютона к философскому камню. Из них наиболее известны «Тайная Книга» Артефия, «Послание Иоанна Понтануса, в котором он дает свидетельство о книге Артефия», являющегося выписками из более обширного труда: «Николас Фламель, его изложение иегоглифических фигур, которые он велел изобразить на арке церковного двора Св. Девственников в Париже. Вместе с Тайной Книгой Артефия и Посланием Иоанна Понтануса: содержащие как теорию, так и практику философского камня». Эта работа имелась у Ньютона и в латинской версии конволютом с трудом Лазаря Зецнера «Химический театр» (Lazarus Zetzner, «Theatrum Chemicum»). Никола Фламель (Nicolas Flamel) был известной, хотя и та-

и единственной фигурой, которой часто приписывали открытие философского камня, иероглифических фигур, ранней формы карт Таро и эзотеризм. На этом же аукционе фигурировал еще один 28-страничный алхимический трактат из коллекции Ньютона: «Эпитоме сокровища здоровья, написанное знаменитым англичанином Эдвардом Великодушным, жившим Anno Domini 1562, посвященный философскому камню, животному, или Ангелическому камню, предсказательному или магическому камню Моисея, и вегетативному, или растущему камню». Это сочинение оканчивалось алхимической поэмой (13).

Кажется крайне маловероятным, чтобы такой трезвомыслящий ученый, как Ньютон, постоянно производя опыты, которые, согласно его принципам, должны либо подтверждать теорию либо опровергать ее, годами мог заниматься делом, не приносящим никаких результатов. Тем более, если принять во внимание феноменальную работоспособность ученого, который трудился по 20 часов в день, оставляя на сон всего 4–5. Все, что известно о психологии и стиле мышления английского гения, противоречит подобному предположению. Скорее он действительно получал в этих занятиях и экспериментах знания, которые считал для себя и полезными и нужными, и, возможно, в разных отношениях.

Действительно, в статье «Ньютон и алхимия» (15) приводятся аргументы в пользу того, что символы и концепты алхимии в мышлении английского ученого были внутренне связаны с его другими, в том числе научными занятиями. Указывается, что лабораторные записные книжки Ньютона, даже та, которая содержит первое полное описание его блистательного открытия того, что белый свет является смесью неизменных спектральных цветов, заполнены рецептами, терпеливо выбранными из тех же алхимических источников, которыми полны рукописи, проданные на Сотсби в 1936 г.

И здесь рядом с трезвыми объяснениями оптических и физических феноменов, таких как замерзание и кипение, находятся «трезубец Нептуна», «кадуцеев жезл Меркурия», «зеленый лев», – обозначая субстанции, вычитанные Ньютоном в алхимических штудиях. Таким образом, делается логичный вывод, что «какой бы ни была ультимативная цель алхимических исследований Ньютона, невозможно возвести водонепроницаемую дамбу, отделяющую их от других его научных устремлений» (цит. по: 15). Фактически же

можно утверждать значительно большее: факт их взаимовлияния, а также и, вероятно, констатировать его позитивный и продуктивный характер.

Храм Соломона

Ньютон интенсивно размышлял над архитектурой Храма Соломона и подробно описал его в пятой главе своей «Хронологии древних царств». Главным источником информации для него была 1-я Книга Царей еврейской Библии, которую ученый сам перевел с иврита, начертив детальный план этого Храма с многочисленными пояснениями, обращаясь при этом и к видению Иезекииля.

В этой главе прежде всего обращает на себя внимание обилие чисто количественных характеристик, которыми Ньютон тщательно обозначает размеры всех элементов Храма: длину, высоту, толщину стен, число и форму помещений, ярусов, галерей, конфигурацию дворов, жертвенника и т.д. Но он при этом не забывает указать и на различные архитектурные особенности строений, и на их назначение, точно называет количество служителей и т.п. Скрытое допущение при таком описании, что Бог, несомненно, пользовался при творении всех вещей этого мира числом и геометрией, – как и Ньютон, следующий Богу по завету пифагорейцев и Платона. В процессе этой дескрипции ум ученого свободно перемещается и по временной шкале, указывая, например, когда к Храму были добавлены новые строения или каким он был первоначально – до перестроек и изменений.

В дополнение к этим источникам он пользовался также различными древними и современными ему текстами, веря, что во многих античных текстах заключена сакральная мудрость и что сами пропорции во многих их храмах тоже священны, обладают особыми значением и силой. Эта концепция, часто обозначаемая термином «*prisca sapientia*» («древняя мудрость»), была общим убеждением многих ученых его времени. Ньютон в поисках оккультного знания изучал архитектурные творения и тексты как эллинистической Греции, так и Рима, читая, например, книги Витрувия (13).

Как ученый, изучающий Библию, Ньютон вначале интересовался сакральной геометрией Храма Соломона: золотым сечением,

коническими сечениями, спиралями, ортографическими проекциями и другими гармоничными конструкциями, однако при этом полагал, что эти измерения и пропорции репрезентируют также и нечто большее, чем только геометрию и математические отношения сами по себе. Он отмечал, например, что размеры храма, данные в Библии, являются математическими проблемами, связанными с величинами π и объемом полусфера $V = (2/3)\pi r^3$, а в более широком значении они соотносятся с размерами Земли, местом человека и его пропорциональным отношением к ней (там же).

Таким образом, его когитации, форме мышления были свойственны многомерность и объемность, рассмотрение предметов, величин и отношения не только в системной связи и в интегральной единстве как между собой, так и с трансцендентным, но часто одновременно в пространстве и времени.

Ученый верил, что храм был спланирован царем Соломоном, которым руководило Божественное пророчество. Для английского гения геометрия храма не только математическая калька, она также дает рамочную хронологию еврейской истории. Именно по этой причине, отмечают исследователи, он включил главу, посвященную храму, в «Хронологию древних царств» – раздел, который первоначально казался несвязанным с историческим характером этой книги как целого.

Ньютон полагал, что, как и произведения античных философов и ученых, библейские фигуры содержат неведомую священную мудрость и что это же справедливо для архитектуры. Он верил, что эти персоны скрыли свое знание в комплексном коде символического и математического языков, который, если его расшифровать, раскроет неведомое знание о том, как действует природа.

В 1675 г. Ньютон делает заметку на экземпляре анонимного трактата «Манна – исследование природы алхимии», полученного от коллеги-ученого Езекиеля Фокскрофта (Ezekiel Foxcroft). В ней он размышляет о причинах своего изучения Храма Соломона и пишет: «Эта философия, одновременно спекулятивная и активная, должна быть открыта не только в книге природы, но и в сакральной скульптуре, Книге бытия, Книге Иова, псалмах, Исаии и других. Знанием этой философии Бог сделал Соломона величайшим философом в мире» (цит. по: 13).

Из этой цитаты видно, что, как и античные мыслители, ученый видел в качестве знания – и прежде всего сакрального – важнейший фактор развития ума и личности человеческого существа, способный возвысить его до предела возможностей человеческих сил.

Но комбинация почти абсолютной веры Ньютона в достоверность сакрального и научного знания могла иметь и негативные последствия.

Так, С.Я. Лурье (6) отмечает, что Ньютон полемизирует с Маршэмом и Спенсером, утверждавшими, что евреи научились сооружению храмов у египтян, и доказывает это тем, что «он нигде не встречал пышных храмов ранее дней Соломона»; поэтому он считает Храм Соломона прототипом всех храмов мира. Причинами этой ошибки Лурье считает, с одной стороны, преувеличенную веру в авторитет Библии, а с другой – сокращенную хронологию английского ученого, также основанную на вере в ее непререкаемость. Лурье приводит фрагмент беседы Стекелея с Ньютоном у Л.Т. Мора, в которой Ньютон говорил: «Храм Соломона самый древний из больших храмов. По его образцу Сесострис построил свои храмы в Египте, и отсюда греки заимствовали свою архитектуру и религию» (цит. по: 6).

Особенности пророчества Ньютона

Английскому ученому, как свойственно большинству гениев, не были чужды ни сильные эмоции, ни страсти. И его величайшей страстью, как он сам писал об этом, была Библия: «Я имею фундаментальную веру в Библию как Слово Божье, записанное теми, кто был вдохновлен. Я изучаю Библию ежедневно» (цит. по: 14). Он тратил массу времени, пытаясь найти в ней как скрытые послания, так и прямые смыслы там, где многие исследователи хотели бы видеть аллегории или метафоры. После 1690 г. ученый пишет ряд религиозных трактатов, посвященных буквальному прочтению Книги книг.

Ньютон рассматривал себя как одного из избранной группы индивидов, селектированных Богом для лучшего понимания Писания, и был убежденным сторонником профетической интерпретации Библии, что побудило его написать несколько трактатов на эту тему, в том числе неопубликованное руководство, озаглавлен-

ное «Правила интерпретации слов и языка в Писании» («Rules for interpreting the words & language in Scripture»). В этой работе он детализирует необходимый методологический и технический аппарат для того, что считает подлинным прочтением Св. Писания (13).

В литературе вопроса отмечается, что в дополнение к этому Ньютон провел значительную часть жизни (50 лет) в поисках библейского кода, фокусируя особое внимание на интерпретации Книги Откровения, о которой много писал. Законы мира, которые он открыл, для него были законами временного, имеющего конец мира. К Апокалипсису ученый относился как к истине, указывающей ближайшее будущее.

Видимо, эвристический ум сам избирает для себя реперные точки истинности, которых затем придерживается как основы своего движения к тому, что считает истиной. И в случае для Ньютона, пуританина, такой точкой были сакральные тексты традиционной религии, истинность которых верифицировалась как тысячелетней историей ее существования, так и теми опытными подтверждениями, которые постоянно сопровождали ее актуальное бытие в мире.

Свое пустое пространство он рассматривал как атрибут Бога и в нем допускал «как бы мгновенное» действие сил тяготения на расстоянии, что казалось для науки его времени невозможным (и кажется таким и теперь).

В действительности он ввел в науку теологическую мысль, допуская постоянно существующее и непрерывно действующее «чудо», проявление атрибута единого Бога.

Можно предположить даже, что концепция гравитации Ньютона была суггестирирована идеей Божественного воздействия (пример обратного влияния религии на науку, физику).

Знаменитый физик и математик считал, что ему удалось постичь этот код. Ньютон был убежден, что можно проникнуть в тайны Божественного замысла, найти ключи хотя бы к некоторым из них. Он пытался понять природу через Священное Писание и в нем найти отражение законов природы, движения небесных сфер и планет (9).

По существу, в этом подходе уже реализуется идея, согласно которой не только текст, но и природа понимаются в качестве некоего кода, скрипта, организованного и записанного по каким-то законам-алгоритмам, которые можно расшифровать, познать и

применить, используя, в том числе, и как ключ. Подобное знание во всех своих аспектах, несомненно, должно было неимоверно превосходить человеческое.

В статье «Сэр Исаак Ньютон и Святой Храм» (16) указывается, что английский ученый был убежден в существовании в текстах еврейских Писаний кода, который скрывает знания, утраченные человечеством, и посвящал его поискам больше времени и интеллектуальных усилий, чем всей работе в естественных науках. Для этого он исследовал пророчества на иврите (видя в нем избранный Богом язык и тем самым выражая мысль о предпочтительности одних знаковых систем перед другими) и часто обращался к экзегезам и комментариям Маймонида, Талмуда, Зогара и иным, менее известным трактатам, вроде «Seder Olam Rabati», и другим древним и современным ему еврейским источникам, чтобы найти это скрытое знание. Он писал о конце времен и о Третьем Храме, как он описан в Книге Иезекииля. Некоторые из этих документов содержат записи на иврите, сделанные рукой Ньютона, включая и фразы, заимствованные из Сидура – еврейского молитвенника (16).

Так, под схемой Храма на рисунке Ньютона, помещенном на этом сайте, отчетливо читаются слова на иврите: «Благословенно имя славы царства Его во веки вечные» (перевод мой. – Г. Хлебников).

Он делал зарисовки Храма, стремясь определить его точные размеры и положение, явно убежденный, что его базовые пропорции репрезентируют микрокосм того самого Универсума, в котором он сам заключен.

В отличие от собственно пророков, великий англичанин пророчествовал не сам, а полагался на имеющиеся тексты, которые – в собственной интерпретации – пророчествовали за него. Ученый верил, что его прочтение «столь мало понятого» само по себе станет убедительным свидетельством истины. Пример того, что Ньютон имел в виду под распространенным непониманием Писания, дает трактат «О двух важных искажениях текста Священного Писания» («An Historical Account of Two Notable Corruption of Scripture»), написанный, как указывает С.И. Вавилов (2), в начале 90-х годов. Этот мемуар через Локка попал в Голландию, но был опубликован только в 1754 г., через 27 лет после его смерти. Содержание его – историко-филологическая критика латинских

переводов двух текстов из апостольских посланий, являющихся опорой церковного догмата троичности. Л.Т. Мор нашел также много не известных до сих пор рукописей Ньютона, посвященных главным образом догмату троичности и спору Ария с Афанасием на Никейском Вселенском соборе. Из этих документов, по словам Мора, явствует, что Ньютон был арианцем, т.е. отрицал божественную природу Христа (2).

А. Бауэр констатирует также, что Ньютон развивал еретические идеи. Вначале восхищавшийся Троицей, он начал изучать конфликт IV в., произошедший между ортодоксией, возглавляемой Афанасием, и учениками Ария, и, согласно Р. Уэстфоллу, постепенно убедился, что «массивный обман извратил наследие ранней Церкви», и стал рассматривать поклонение Христу вместо Бога как идололатрию. Но живя в абсолютно ортодоксальном Кембридже, где его собственный наставник, Барроу, защищал триединство, Ньютон не мог публично выражать свои взгляды (12).

И не выражая их публично, он проявлял определенную гибкость характера, но при этом не изменял внутренней честности мышления, продолжая частным образом излагать идеи, которые считал истинными.

В Рунете есть статья, посвященная анализу работы Ньютона «Историческое прослеживание двух заметных искажений Священного Писания» (4), в которой отмечается, что этот трактат представляет собой обзор всех доступных Ньютону древних доказательных текстов, имеющих отношение к двум спорным отрывкам из христианской Библии, а именно: стихам с 5-го по 7-й 5-й главы 1-го послания апостола Иоанна и 16-му стиху 3-й главы 1-го послания апостола Павла к Тимофею. В английском переводе Библии, известном как «Версия Короля Иакова» (англ. King James Version), стих 1 Иоан. 5 : 7 выглядит следующим образом: «*For there are three that bear record in heaven, the Father, the Word, and the Holy Ghost: and these three are one*». В русском синодальном переводе Библии этот стих практически такой же: «*Ибо три свидетельствуют на небе: Отец, Слово и Святой Дух; и Сии три суть едино*» (цит. по: там же). Однако в новом русском переводе Российского библейского общества (2000) этот стих дан уже иначе: «*...есть три свидетеля: Дух, вода и кровь...*», причем в комментарии указано,

что вариант синодального перевода основан на более поздних рукописях (4).

Используя писания ранних Отцов Церкви, манускрипты на греческом и латыни, а также свидетельства первых версий Библии, Исаак Ньютон показывает, что слова «на небе: Отец, Слово и Святой Дух; и Сии три суть едино», обычно используемые для подтверждения истинности доктрины о Троице, отсутствовали в греческих оригиналах Писания. Затем Ньютон прослеживает путь, которым данное подложное толкование вкрадлось в латинские версии Писания, – сначала в комментарии на его полях, а затем и в сам текст. Ньютон показал, что оно впервые было принято частью греческого текста только в 1515 г. кардиналом Сиснеросом под влиянием одного позднего греческого манускрипта, исправленного под воздействием латинского текста Писаний. Наконец, Ньютон касается смысла и контекста данного стиха, делая заключение, что эта вставка прерывает понятный до того текст Писания и искажает его смысл.

Другая часть данного трактата Ньютона посвящена стиху 1 Тим. 3 : 16: «*And without controversy great is the mystery of godliness: God was manifest in the flesh, justified in the Spirit, seen of angels, preached unto the Gentiles, believed on in the world, received up into glory*» (цит. по: 4) (версия Короля Иакова).

«И беспрекословно – великая благочестия тайна: Бог явился во плоти, оправдал Себя в Духе, показал Себя ангелам, проповедан в народах, принят верою в мире, вознесся во славе» (цит. по: там же) (рус. синодальный перевод).

Однако перевод Российского библейского общества 2000 г. опять иной: «Да, бесспорно, велика тайна нашего богопочитания: это Тот, кого Бог явил в человеческом теле, кого Дух оправдал, кого видели ангелы, о ком возвестили народам, в кого поверили в мире и кто вознесен был во славе» (цит. по: там же). Ньютон показал, как при помощи незначительного изменения греческого текста в него было вставлено слово «Бог», чтобы текст прочитывался как «Бог явился во плоти». Ньютон также продемонстрировал, что ранние писатели Церкви ничего не знали о подобном изменении текста.

В статье отмечается также, что Ньютон не опубликовал свой трактат при жизни, вероятно, из-за политического климата, царившего в Англии в годы его жизни. Законодательный акт 1698 г.

«О подавлении богохульства и нечестия» (The Act for the Suppression of Blasphemy and Profaneness) приравнивал отрицание любого из лиц Троицы к деяниям, наказуемым поражением в гражданских правах, а при повторении данного деяния – к тюремному заключению. В 1693 г. по приказу палаты лордов был предан сожжению памфлет, содержащий отрицание истинности доктрины Троицы. В 1697 г. в Эдинбурге (Шотландия) за отрицание Троицы и других религиозных доктрин был казнен через повешение сын эдинбургского врача Томас Эйкенхед. Друг Ньютона Уильям Уистон (переводчик трудов Иосифа Флавия) в 1710 г. был лишен профессорского звания и изгнан из Кембриджского университета за свои утверждения о том, что вероисповеданием ранней Церкви было арианство (4).

В данном случае Ньютон мыслит как филолог, а не богослов или философ, прослеживая генезис фрагментов текста, а не анализируя вопрос по существу. Тем не менее обращают на себя внимание как абсолютная приверженность истине, как она им понимается, так и полная готовность противопоставить ее и авторитету столетий, и ученному мнению авторитетных современников, и всей социальной и политической машине Государства. Предпосылкой такой уверенности в собственной правоте, кроме общепротестантской установки на непосредственный – миную всех посредников – контакт сознания верующего христианина с Богом и Его словом в Библии, является личная убежденность Ньютона в своей богоизбранности, благодаря которой ему открываются свыше истины, недоступные другим.

Некоторые когитальные аспекты предсказания конца мира Ньютоном

Его предсказание конца света, приходящегося на 2060 г. (Ньютон называл и много других возможных дат этого события, например 2034 г.) (14), о чем писали в начале 2003 г. мировые масс-медиа, в том числе крупнейшие газеты (английская «Daily Telegraph», канадская «National Post», израильские «Maariv» и «Yediot Aharonot» и т.п.) и такой авторитетный научный журнал, как «Nature», не содержат конкретной даты Апокалипсиса (13). Впервых, речь идет о событии, которое должно произойти «не ранее»

2060 г. и наступление которого он вычислял как по Писаниям, так и основываясь на своей теологической точке зрения относительно специфических дат и событий, т.е. совмещая мышлением рациональное и мистико-интуитивное в единый результат. Во-вторых, Ньютон понимал это событие после 2060 г. не как некий деструктивный акт, результирующий в апокалипсисе Земли и ее обитателей, а как такое, в котором мир, каким мы его знаем, должен замениться

новым, основанным на переходе к эре Богом установленного мира. Таким образом, это, собственно говоря, не апокалипсис, а, напротив, нечто позитивное и благое для людей. В христианской и исламской теологии эта концепция обычно понимается как второе пришествие Иисуса Христа и установление на Земле Царствия Божия. В иудаизме это же время называют мессианской эрой, или «днями Мoshiаха» («Yamei Moshiach»), т.е. Днями Мессии.

Мало сомнений оставляет в этом прочтении следующий пассаж, взятый из отдельного манускрипта, в котором английский гений, парафразируя Откровение 21 и 22, так описывает эти события после 2060 г.: «Новые небеса и новая земля. Новый Иерусалим спустится с небес, приготовленный как невеста, украшенная для ее жениха. Брачный пир. Бог пребывает с людьми, утирает все слезы с их глаз, дает им фонтан живой воды, и создает все тонкие вещи, новую речь (creates all thin things new saying). Это сделано. Слава и блаженство Нового Иерусалима представлены дворцом из золота и драгоценных камней, освещенных славой Бога и Агнца и орошающим водой реки Рая, на берегу которой произрастает древо жизни. В этот град цари Земли понесут свою славу и славу народов, и святые воцарятся на веки веков» (цит. по: 13).

Интересно, что в этой профетической дескрипции сознание ученого очень точно воспроизводит рецептированные фрагменты, но создает в результате незначительных дополнений синтетическую картину, которая не только оказывается богаче своих частей, но и выражает несколько иную, более акцентированную картину единства небесного и земного, божественного и человеческого, чем распространенные интерпретации. Знаменательна и общая неопределенность (не свойственная Ньютону) в определении сроков наступления этого события с разбросом дат – все это как будто

учитывает стохастический характер грядущей трансформации, о которой, возможно, и Бог еще не принял окончательного решения.

Атлантида в ментальности Ньютона

То, что в сознании английского ученого была вера в существование сокрытых знаний, в том числе касающихся таинственных земель, хорошо видно в «Хронологии древних царств», где имеется ряд пассажей, которые прямо упоминают Атлантиду (13). Ньютон, основываясь на своих расчетах, полагал, что Улисс Гомера покинул остров Огигию в 896 г. до Р.Х. Но в греческой мифологии Огигия – это родина Калипсо, дочери Атласа (по имени которого и названа Атлантида), поэтому некоторые ученые, опираясь на эту этимологию, думают, что Огигия и Атлантида были территориально связаны или, возможно, это один и тот же остров. Из записей Ньютона, который также широко использовал филологию как инструмент научного мышления, видно, что он разделял это убеждение. В качестве возможных кандидатов для Огигии он называет также Cadis или Cales, но в имеющихся записях ученого не сохранились его основания для таких предположений, хотя, принимая во внимание мотто «ничего на веру», которого придерживался И. Ньютон, нет сомнений, что они не были произвольными.

В этом же тексте ученый пишет, что, согласно античным источникам, Атлантида была величиной как Европа, Африка и Азия вместе взятые, но все же затонула в море. Согласно греческой мифологии, Атлас держал на своих плечах весь мир, т.е. и всю ойкумену, поэтому, беря в рассуждение склонность ума Ньютона искать зашифрованные знания, в том числе в мифах, он имел какие-то основания верить этим сообщениям о размерах погибшего острова и помимо нарратива Платона.

Таким образом, применяя математику (для вычисления дат) и филологию к мифу, гениальный ученый стремится доказать подлинность знаний, которые считаются то вымысленными, то малодостоверными, то эзотерическими.

Хронология Ньютона

Как показал С.Я. Лурье (6), одной из основных задач книги Ньютона «Хронологии древних царств» была борьба с неверую-

щими: путем устранения противоречий в древней истории и нового толкования отдельных мест Ньютон (как и Локк) хотел спасти веру в Божественное откровение и библейские чудеса, в непрекращаемость Библии в целом. В детстве Ньютон воспитывался в религиозной атмосфере, а когда он вырос, решил посвятить себя священнической деятельности. И впоследствии, отмечает Лурье, когда он писал свои «Principia» и «Оптику», он вовсе не имел в виду доказать, что в мире господствует механическая закономерность: наоборот, он хотел раскрыть природу Бога и показать, как мудро устроил Бог мир, сделав излишним свое непрерывное вмешательство в ход вещей.

Таким образом, мысль Ньютона здесь развивает и по-своему конкретизирует античную парадигму философского мышления (например, Платон, неоплатонизм), которое преимущественно рассматривало Космос как результат упорядочивающей деятельности божественного Блага, Ума или Бога.

Так, Порус указывает (10), что гипотеза абсолютного пространства (симптоматизирующего присутствие в мире метафизического начала) выступает для Ньютона философско-теологической предпосылкой, на которой строится физическая теория: абсолютное пространство обладает особой активностью (является *Sensorium Dei* – «чувствилицем Бога»), наполняющей Вселенную единой жизнью. В понятии абсолютного пространства соединены черты мировой души неоплатоников и эфира из натурфилософских концепций Ренессанса, а также магико-оккультных представлений о тайных силах, которыми наделена природа в целом и ее отдельные элементы. Ньютон размышлял о возможностях такого расширения сферы опыта, которое позволило бы осуществлять эмпирическое познание этих сил (отсюда его интерес к алхимии и герметизму) (10).

Вероятно, следует отметить, *mutatis mutandis*, близость его понимания бесконечного пустого пространства как наделенного скрытыми силами современным физическим концепциям о вакууме как энергетически насыщенной среде, по некоторым представлениям, даже порождающем «из пустоты» элементарные частицы.

Как указывает С. Лурье, Ньютон не только не думал отрицать возможность чудес и пророчеств, но считал, что на первой стадии мировой истории Бог постоянно должен был прибегать к

чудесам и приостанавливать действие законов природы, чтобы демонстрировать людям свое всемогущество, тогда как в наше время это излишне. Таким образом, «Principia» и «Оптику» Ньютон посвятил изучению законов, на основании которых Бог управлял уже готовым миром (6), но при этом его ум не был замкнут ими, а допускал, как мы видим, реальное существование совершенно иных миров, в которых Божественная воля свободно и непосредственно направляет течение событий. Бог как Творец вправе произвольно поступать со своим созданием.

Хронологический же его труд должен был показать, считает Лурье, как создавалось человеческое общество в ту эпоху, когда Бог еще приходил в тесное соприкосновение с людьми, открываясь им в чудесах и пророчествах: отдельных людей он одарял чудесной силой, при помощи которой эти люди могли изменять движение светил и приостанавливать действие естественных законов. Эта сила была отнята у людей, после того как им было дано откровение полностью – через смерть и воскресение помазанника Божия. Итак, люди действительно когда-то обладали даром пророчества; когда-то в мире действительно происходили чудеса, нарушавшие естественные законы, когда-то, можно добавить, Бог постоянно вмешивался в земные и человеческие дела. Поэтому, считал Ньютон, ничто не препятствует тому, чтобы в Библии все с начала до конца было истиной. Подобно тому, как в основу своих «Principia» он кладет как аксиому закон инерции, так в его историческом труде такой же исходной аксиомой является непререкаемость Библии. Задача историка состоит в том, чтобы привести всю гражданскую историю в согласие с историей священной (6).

Здесь, как кажется, мышление Ньютона в своем движении ясно проявляет свою зависимость от талмудических и каббалистических принципов строгой ориентированности на Писание при познании мира, природы и истории, когда последние должны пониматься через тексты первого, как его развертывание и презентация. Причем буквальное значение наряду с другими возможными также принимается как истинное.

Однако признавать непререкаемость Библии, подчеркивает С. Лурье, еще не значит признавать непререкаемость дошедшего до нас текста Библии. Священен лишь текст, написанный в ту эпоху, когда Бог еще открывался непосредственно людям; изменения,

внесенные в этот текст в более позднюю эпоху, от кого бы они ни исходили, есть лишь человеческие изменения, а не Божий откровения. Поэтому задача серьезного историка и верующего христианина – одна и та же: восстановить Библию в том виде, какой она имела в ту эпоху, когда она была дана людям как откровение.

Поэтому очевидно, что и отношение Ньютона к Библии не является догматически слепым, а рефлектирует ту же научную критичность, которую он проявляет, тематизируя и другие предметы исследования. Ученый хочет познать Бога и Его откровение так же, как и другие явления, открывающиеся его уму в этом сложном и загадочном мире. Одним из критериев истинности своего познания он считает вслед за Декартом и Спинозой ясность и понятность тезисов.

Лурье подчеркивает, что, любя человечество, Бог не стал бы открываться людям в туманных, запутанных и спорных выражениях: слово Божие может поражать своей чудесностью и сверхъестественностью, но оно не может не быть ясным. Эту мысль Спинозы проповедует и Ньютон. То, что не ясно, запутано, что не может быть понято разумом, то не от Бога. Так, по поводу стиха 7 «Послания апостола Иоанна», который Ньютон справедливо считает подложным, он говорит: «Пусть тот, кому это по силам, найдет здесь логический смысл. Я этого сделать не умею. Говорят, что наш собственный разум не в состоянии определить, что есть Священное Писание, а что не является им. Что касается мест, не вызывающих никаких споров, я согласен с этим; но в спорных местах я предпочел бы ограничиться тем, что я могу уразуметь. Для взбалмошной и суеверной части человечества характерна как раз страсть ко всему таинственному и непонятному, и поэтому этим людям нравится больше всего то, что они меньше всего понимают» (цит. по: 6).

То есть, можно заметить, тайное или зашифрованное по содержанию также должно быть выражено по форме ясно и в принципе допускать логически обоснованное понимание, путь даже для этого потребуются многошаговые рассуждения или специальные, например филологические, исследования.

Все это – те принципы, которые легли в основу протестантского движения, те принципы, с которыми интенсивно боролась католическая церковь. Неудивительно, замечает С.Я. Лурье, что

Ньютон теряет спокойствие и уравновешенность ученого, когда говорит о ней: он пытает негодованием и возмущением. Цель его «Хронологии» не только борьба со скептиками, которые в его время начали уже сомневаться в чудесах и пророчествах Библии, но и замена авторитета римской церкви авторитетом подлинного текста Библии. Он стремится показать, что власть, доставшаяся римской церкви, не дана ей Богом, а узурпирована ею.

Эпоха чудес и пророчеств окончилась, по мнению Ньютона, с нисхождением на землю Христа. Поэтому постановления соборов и папские буллы имеют для верующего человека не большее значение, чем постановления всяких иных земных властей. «Слово императоров, королей и князей – от людей. Слово соборов, епископов и священников – от людей. Слово пророков – от Бога, и в нем заключена вся религия, причем Моисея и апостолов я тоже считаю пророками. Но если ангел придет с неба, чтобы проповедовать какое-либо иное Евангелие, чем то, что нам дали пророки, то пусть он будет проклят» (цит. по: 6).

Из этого интересного фрагмента можно заключить, что Ньютон, в согласии с Евангелиями, мыслил невозможными после Моисея, пророков, Христа и апостолов дальнейшие откровения Бога человечеству (исключая, таким образом, и ислам). Возможно, на этой вере основана и его близкая к деизму космология, допускающая только эпизодическое вмешательство Бога в раз и навсегда установленный мировой механизм.

С.Я. Лурье далее замечает, что в четвертом звере пророчества Даниила Ньютон видит Римскую империю, а в малом роге этого четвертого зверя – предсказание о римской церкви. Все ужасы, которые рассказаны об этом «малом роге» в пророчестве Даниила, Ньютон относит к римской церкви и для этой цели дает подробный обзор ранней истории церкви и ее отношений со светской властью, причем проявляет глубокую эрудицию в этих вопросах. Но его основная задача – показать, что уже Даниилом были предсказаны крушение папской власти и грядущее господство святых на земле. В самом начале трактата «О двух замечательных исказлениях текста Священного Писания» находятся знаменательные слова о практиковавшихся римской церковью с благочестивой целью подделках текста Библии: «Для вас, хорошо знающего те многочисленные злоупотребления, которые применяли господа из

римской церкви, вряд ли будет лишним убедиться еще на одном примере в том, что общеизвестно... Если мы выступаем с протестом против благочестивой лжи (*rīa fraus*) Римской церкви и считаем своим религиозным долгом презирать и отвергать все подобные приемы, то мы должны признать, что попустительство таким приемам с нашей стороны является еще большим преступлением, чем со стороны папистов, которых мы так ругаем за это; поступая так, они действуют согласно своим религиозным взглядам, а мы – вопреки нашим взглядам» (цит. по: 6).

Здесь интересен не только пафос искреннего негодования, который звучит в словах английского ученого, но и прежде всего стоящая за ним ментальная установка столь же пассионарно бороться против неправды, отвергать ложь и заблуждение, сколь и утверждать истину.

Неудивительно поэтому, что Ньютон уделяет много внимания истории Никейского собора, постановления которого имели первенствующее значение для формирования католической религии. Он показывает, что постановления этого собора были приняты под давлением императора и благодаря махинациям Афанасия; поэтому авторитет его у католиков совершенно незаслуженный.

Но и в полемике Ньютон остается прежде всего ученым, анализирующим факты и изучающим действие различных исторических факторов.

Он не только принадлежал к протестантской оппозиции против католической опасности, но и находился на крайнем, радикальном крыле этой оппозиции. Л.Т. Мор показал, что Ньютон был близок к так называемой арианской ереси, он был унитариистом, отрицая основной христианский догмат триединства божества. Таким образом, он был единомышленником Уистона; но в то время как Уистон открыто проповедовал свои взгляды, желая принять мученическую кончину, Ньютон искусно выуалировал их, делая упор на научную, филологическую сторону вопроса. Отрицание триединства божества Ньютон обосновывал филологическими и логическими доказательствами (6), тем самым, по-видимому, усиливая его критику, известную ему из иудаистической традиции.

Разбирая ньютоновский анализ истории текста двух мест из «Посланий апостольских», С. Лурье отмечает, что английский ученый вполне владел методами научной филологической критики

текста. Стих 7 «Послания Иоанна» он считает, как и Р. Симон, позднейшей вставкой, исходя из следующих аргументов: он указывает, что этот стих не встречается в текстах, более ранних, чем 385 год, и никогда не цитируется у более ранних христианских писателей, хотя в ряде мест ожидалась бы такая цитата. И еще более важный довод: во время дебатов на Никейском соборе в 325 г. между сторонниками и противниками триединства первые ни разу не ссылаются на этот стих, хотя он сразу же положил бы конец спорам, так как здесь однозначно сказано: «Ибо есть трое единомышленных в небе: Отец, Слово и Святой Дух, и эти трое суть одно». Очевидно, в 325 г. этот стих еще не читался в Евангелии, а был подделан после этого года тринитарианцами, чтобы обосновать их новый догмат текстом Священного Писания (6).

Ньютон понимал, таким образом, как ведется критика текста. К сожалению, он плохо знал, как указывает и Л. Мор, греческий язык; обычно он пользовался латинским переводом, обращаясь к греческому тексту только в сомнительных случаях. С другой стороны, замечает С. Лурье, он так увлекался своей теорией, что из всех разночтений и толкований склонен был отдавать предпочтение тому, которое наиболее соответствовало его взглядам.

В неопубликованной до сих пор, но известной по цитатам в книге Л.Т. Мора рукописи Ньютона приводятся и логические возражения против триединства: «Сын назван “словом”, значит он не Бог, а только как бы рупор Бога, через который Бог обращается со своим словом к людям; так как Иисус был зачат Богом, то он не мог существовать до зачатия, а следовательно, не изведен, подобно Богу; так как сказано, что Отец превыше Сына; так как сказано, что Сын не знал своего последнего часа; так как Сын получил все от Отца; так как Сын мог быть облечен в бренную плоть» (цит. по: 6).

Таким образом, на данном материале видно, что английский ученый активно пользуется научным аппаратом и против канонических положений Христианства, – когда полагает их неистинными и противоречащими фактам, т.е. его ум остается максимально свободным относительно и этих концептуальных конструкций, хотя при этом, отвергая их, он оказывается связанным другими. В данном случае – иудаистическими.

На основании всех рассуждений, констатирует С.Я. Лурье, Ньютон приходит к выводу, что Иисус – один из пророков Божьих, –

пророк, наиболее любимый Богом и обладающий наибольшей духовной силой и наибольшим пророческим даром. В той же неопубликованной рукописи Ньютон писал: «Иисус Христос – это пророк; единственный из пророков, которому Бог открыл сразу и который поэтому и называется Словом Бога... Поэтому он в смысле, употребляемом в Писании, называл себя Богом, не совершая этим богохульства; тем более он имел право называть себя Сыном Божиим» (цит. по: 6).

Существование Святого Духа как особой отделенной от Бога ипостаси Ньютон отрицал – можно опять-таки заметить, вслед на раввинистической традицией. Поскольку в Иисусе он видел, как следует из вышеприведенного, только одного из пророков, Ньютон отрицал, пишет С. Лурье, что в книге Даниила содержится предсказание пришествия Христа (6).

Ньютон и тайные общества

Отдельный интерес представляет вопрос о возможных криптосоциальных детерминантах мышления английского гения. Исаак Ньютон часто считался членом различных тайных обществ и братских ордеров. Однако, как показывают исследователи, ввиду скрытой природы подобных организаций, недостатка подтверждающих материалов и сомнительных мотивов, побуждающих утверждать членство в них великого ученого, трудно доказать его участие в какой-либо из них (13).

Независимо от собственного статуса, Ньютон был известен как человек, связанный со многими персонами, которые сами часто называли себя членами различных эзотерических групп. Однако неясно, или эти связи были результатом его выдающегося социального положения и научного статуса (член и президент Королевского общества, директор монетного двора, рыцарь, член палаты), или же Ньютон действительно сам искал членства в этих тайных организациях, или имело место и то и другое. Учитывая природу и законность алхимических практик во время его жизни, а также поразительное обилие для того времени различных манускриптов и материалов алхимического характера, находившихся в его владении, можно сказать, что Ньютон вполне мог быть членом какой-либо группы аналогично мотивированных мыслителей и коллег.

Однако организационный ранг подобной группы (если она действительно существовала), уровень ее секретности, как и глубина его вовлечения в нее, остаются неясными.

Сам Ньютон считался замкнутой личностью, не склонной к социализации, но в то время быть членом каких-либо «обществ» или «клубов» было чрезвычайно популярной формой межличностного общения и сотрудничества. Учитывая его высокое положение, нельзя исключить, что Ньютон мог иметь по меньшей мере контакты различного уровня с подобными группами (13).

Трудно все же предположить, что, находясь в самом фокусе подобной активности, поддерживая контакты с соответствующими персонами, имея библиотеку, в значительной мере наполненную принятymi в той среде трудами, лично создавая аналогичные тексты и, более того, посвящая много времени опытам в такой эзотерической науке, как алхимия, Ньютон организационно оставался вне круга лиц, близких его умонастроению и мировоззрению.

Скорее аккумулированные материалы показывают, что как субстанция, так и форма его мышления существенно контаминированы данной субкультурой, в паттернах которой он отчасти и мыслит и действует.

Проблема внешнего влияния на сознание – Ньютон и розенкрайцеры

В связи с вышесказанным особенно интересны исследования, устанавливающие вектор возможного криптовоздействия на содержание мышления ученого. Считается, что наибольшее влияние на него могли оказывать розенкрайцеры, особенно в отношении философских идей и алхимических работ. Розенкрайцеры верили, что они специально избраны для общения с ангелами или духами, что близко некоторым инспирациям ученого. Кроме того, розенкрайцеры утверждали, что могут жить вечно, используя *elixir vitae*, и производить неограниченное количество золота, применяя философский камень (который он разыскивал), на обладание которым они претендовали. Как и Ньютон, они были глубоко религиозны, убежденными христианами, антикатоликами и при этом высоко политизированы. Английский ученый мог также иметь глубокий интерес не столько к их алхимическим занятиям, сколько к их вере в существование

вание эзотерических истин далекого прошлого и к вере в просвещенных индивидов, обладающих способностью глубокого понимания природы, физического универсума и духовного царства (13).

Таким образом, общих существенных черт достаточно много, чтобы, как кажется, минимизировать вероятность случайности совпадения. Анализ состава библиотеки ученого еще более интенсифицирует эту многостороннюю близость с розенкрайцерами. Ведь ко времени смерти Ньютона в его библиотеке было 169 книг, посвященных алхимии, и, по-видимому, их было еще больше во время его нахождения в Кембридже, который он оставил, уезжая в Лондон в 1696 г. В то время это было одно из самых больших собраний алхимической литературы в мире. Кроме того, в библиотеке английского гения имелся испещренный его заметками персональный экземпляр «The Fame and Confession of the Fraternity R.C.», Thomas Vaughan, представлявший собой английский перевод Манифеста розенкрайцеров. У него имелись также книги ученого алхимика Микаэля Майера «Themis Aurea» и «Symbola Aurea Mensae Duodecium» – обе считаются ранними работами о розенкрайцеровском движении, и обе же обильно помечены примечаниями Ньютона (13).

Однако, как указывается в литературе вопроса, все это отнюдь не доказывает членство в нем ученого. Кроме того, учитывая, что личные алхимические усилия Ньютона фокусировались на получении материалов, в обладании которыми розенкрайцеры признавались задолго до его рождения, первого следует исключить из их числа. Тем не менее в течение жизни Ньютона публично обвиняли в принадлежности к розенкрайцерству, как и многих других членов «The Royal Society». В то же время, хотя достоверно не установлено, что ученый был розенкрайцером, и он сам публично никогда не признавался в этом, из его текстов следует, что он мог разделять их многие верования и чувства. Не исключены и личные контакты, что в совокупности может, по меньшей мере отчасти, объяснить некоторую общность их парадигм мышления и активности.

Ньютон и масонство

Еще один вектор мутуирующего социального влияния на сознание английского гения идет предположительно от масонства.

Тем не менее нет достоверных записей, подтверждающих его членство в ложах. Несмотря на это, он часто идентифицируется как член нескольких ранних масонских ковентов, включая Великую ложу Англии. В Кембриджском университете и сейчас действует масонская ложа под названием «Университетская ложа Исаака Ньютона», но это, разумеется, не значит, что он был ее основателем или хотя бы членом, так как существует много светских и ученых собраний и клубов, просто носящих его имя (13).

Тем не менее, принимая во внимание секретный характер раннего франкмасонства и убеждение, что современная структура этой организации была частично установлена во время жизни Ньютона в Лондоне и поблизости от него, продолжают спекулировать относительно той роли, которую Ньютон мог играть в формировании масонских орденов. Тот факт, что он был членом Королевского научного общества, многие члены которого идентифицированы как ранние масоны, побуждает большое число ученых верить в то, что он и сам был масоном.

Несомненно также, что Ньютон глубоко интересовался архитектурой, сакральной геометрией и структурой Храма Соломона, который играет важнейшую роль в ранней масонской мифологии и традиции. И все же нет прямых свидетельств связи ученого с масонством (13), хотя есть социальные и формально содержательные основания предполагать вероятность этого.

Мышление Ньютона и еврейская традиция

Для экспликации этого отношения исследователями уже проделана значительная подготовительная работа. Так, с целью понимания внутреннего мира Ньютона Кнорина (5) обращается к интересам современного ему научного сообщества, указывая, что еврейская традиция занимала в то время заметное место: древнееврейский язык изучался в университетах, а с XVI в. его изучение вместе с изучением латинского и греческого вошло в программу trilingual colledges (трехязыковых школ), распространявшихся по всей Европе.

Издаётся «универсальная» грамматика – латинского, греческого и еврейского языков (Helvicus, 1619). Благодаря Реформации, обратившейся, в частности, к библейским первоисточникам, интерес к еврейской традиции интенсифицировался еще больше. Она

становится важной составляющей «нового образования», а усилившийся интерес к изучению природы и стремление найти скрытые причины существования Вселенной оказались связанными с еврейским мистическим учением – каббалой, в которую входит поиск связей между элементами мирового единства.

Кнорина указывает (5), что характерная для нового образования систематизация знаний развивается на фоне представлений о соответствии между Божественным знаками, явленными в природе, и знаками Божественного текста – Святого Писания, а каббала представлялась источником научного подхода к пониманию скрытого смысла, ключом к будущей гармонии, к восстановлению утраченного древнего единства. Возникает и христианская каббала. Каббалистическими идеями проникнута утопия Фрэнсиса Бэкона «Новая Атлантида», в Англии печатаются каббалистические труды Агриппы, действует орден розенкрайцеров, призывающий к универсальной реформации через каббалу. Известно, что у Ньютона был экземпляр издания розенкрайцеров (Manuel).

И действительно, как мы уже видели, интенции сознания Ньютона были и интерес к библейским первоисточникам, и иврит, на котором он читал и переводил, и поиск скрытых причин в природе, и идеи каббалы, а близость к концепциям и занятиями розенкрайцеров практически принуждает считать его одним из них.

Ожидали прихода Мессии, наступления «миллениума» – золотого тысячелетия – эти настроения царили в среде английских ученых. Большой популярностью во время английской революции пользовались толкования Писания, особенно пророчеств книги Даниила, предрекавшей «царство, которое во веки не разрушится» (Дан., 2 : 44). Эти трактовки основывались на сочетании традиций каббалы и рационального подхода, а также на применении точных математических понятий. Расчетами, основанными на пророчествах, много занимался учитель Ньютона, математик Джон Барроу (Barrow), который был учеником Джозефа Мида (Mede), автора трактата, также интерпретирующего библейские пророчества, а на работах Мида основывался впоследствии и Ньютон.

Здесь практически перечислены и доминанты сознания последнего, который также рационально высчитывал наступление Второго пришествия, интерпретировал пророчества Даниила, толковал и интерпретировал Писания и их хронологию.

В связи с ожидаемым наступлением всеобщей гармонии обсуждалась необходимость единого для всего человечества языка. В качестве кандидатуры на роль совершенного языка рассматривался и древнееврейский язык, «лучше других языков отражающий суть вещей» (5).

Кнорина подтверждает, что все эти настроения отразились и на творчестве Ньютона. Он рано знакомится с древнееврейским языком – в первой известной записной книжке, которую он вел еще до поступления в университет, содержатся заметки по транскрипции, в которых используются буквы еврейского алфавита. Первой научной работой Ньютона, написанной в 1661 г. (в 18-летнем возрасте, в первый год его обучения в Кембридже), оказывается проект универсального языка, впервые опубликованный только в 1957 г. (перевод на русский язык 1986 г.). В ней также заметно влияние древнееврейского языка. При этом тексту проекта предписан странный заголовок «*The site of this is as a kiss*», который исследовательница переводит как «вид этого похож на поцелуй», указывая, что в каббалистической традиции поцелуй символизировал слияние души с Богом. А Ньютону был известен сборником латинских переводов каббалистических сочинений «*Kabbala denudata*» («Обжженная Каббала») (там же).

Кнорина замечает, что хотя в дальнейшем Ньютон не возвращается к идее создания совершенного языка, однако постоянно обращается к анализу библейских текстов. Он, по-видимому, разделяет представления своих современников о соответствии между строением Вселенной и Святым Писанием. По крайней мере, утверждает ученая, «задача понимания текста Библии действительно была для Ньютона равной задаче понимания устройства Вселенной». Эти тексты он цитирует обычно в переводе, но часто это его собственный перевод, отличающийся от канонического. Так, обвинение христианской традиции в ошибочном понимании пророчества Даниила (Дан., 9 : 24–27) о приходе Мессии и в неверном отождествлении Мессии с Христом Ньютон основывает на собственном тщательном переводе текста и его сравнениях с употреблениями слова «*messiah*» (буквально – «помазанник») в других частях Библии.

Но кроме изучения оригиналов, Ньютон обращается и к богатой еврейской традиции комментирования священных писаний.

В собственных многочисленных экзегезах библейских текстов Ньютон постоянно сопоставляет еврейскую и христианскую интерпретации, упрекая традиционные переводы в незнании еврейской традиции. В том же незнании «раввинистического учения» Ньютон упрекает и христианских теологов. Его собственные «Наблюдения над пророчествами» наполнены отсылками к Талмуду, а также к авторитетной энциклопедии того времени по еврейским вопросам – книге известного христианского гебраиста Иоганна Буксторфа (Buxtorf) «*Synagoga Judaica*». Множество ссылок на раввинистические авторитеты, на еврейских комментаторов Библии содержатся в неопубликованных рукописях, в одной из них рассматривается и творчество знаменитого еврейского философа Маймона (5).

Все эти точки идентификации делают более чем вероятным существенное воздействие не только содержания традиционных иудаистических концепций, но и раввинистических паттернов и методов мышления на сознание английского гения. К наиболее очевидным среди первых можно отнести отрицание божественности Иисуса Христа, среди последних – поиск скрытого смысла в писаниях и интерпретаций природы через тексты Библии.

Кнорина отмечает также, что по стилю произведения Ньютона по библейской тематике близки скорее не к теологическим, а к филологическим сочинениям, иногда напоминая более поздние работы критической школы. Это подробный текстологический анализ с фиксацией отрывков, относящихся к разным источникам, с установлением времени написания по отдельным деталям текста. Чисто филологичны и упреки в незнании традиции: Ньютон отмечает, что текст Нового Завета часто неверно толкуется из-за незнания деталей еврейских обрядов и что для его адекватного понимания необходимо знать соответствующее словоупотребление. Так, например, Ньютон обращается к описанию церемоний Дня очищения для понимания слова «печать» в Апокалипсисе.

Вторая глава его «Наблюдений» производит впечатление современного филологического сочинения. Она посвящена анализу языка пророков. Этот язык Ньютон называет образным или символическим (*figurative* и *hieroglyphic*), а источники образов объясняет аналогией, устанавливаемой между миром природы (*world natural*) и миром общественной жизни (*world politic*). Несколько страниц

занимают приводимые Ньютоном длинные списки подобных соответствий – соответствий метафор и символов явлениям обозначающего ими «общественного мира»: слово «огонь» обозначает войну, «печь» – рабство, «зло» символизируется запятнанной одеждой, а «суд» – весами и т.п.

Подобная же фокусировка на языке и этимологии слов характерна и для раввинистической традиции, например Маймонида (см., например, его «Путеводитель блуждающих»).

Аналогичный поиск скрытых символов, продолжает автор статьи, был в то время характерен также для каббалистических кругов. И судя по подробным пояснениям, ссылкам на естественность ассоциации, аналогиям с обыденным языком, приводимым Ньютоном в одной из рукописей по языку пророков (Jahuda MS 1, National Library of Israel), точка зрения Ньютона представляется вполне рационалистической (5).

Для понимания текста Писания существенен подход, – возможно, также почерпнутый Ньютоном в еврейской традиции комментирования, – согласно которому отмечаемые им соответствия не случайны и все Писание пронизано единой поэтической, как ее называет Кнорина, – а по словам Ньютона, «мистической» – системой, представляет собой единый поэтический контекст. Эта концепция достаточно ясно артикулирована в произведении Ньютона, специально посвященном анализу языка пророков, первая глава которого была опубликована в 1950 г.: «Иоанн не писал на одном языке, Даниил на другом, а Исаия на третьем, все они писали на одном и том же мистическом языке... столь же четком и определенном в обозначениях, как обыденный язык любой нации» (цит. по: 5).

При этом Ньютон, как и некоторые современные исследователи, сравнивает библейские образы с образами египетской и другой восточной поэзии – точно так же «как критики, для понимания европейского привлекающие тот же корень в других восточных языках» (там же). Ньютон уточняет, что именно символичность, свойственная языку пророков, близка «египетским священникам и восточным мудрецам».

Ньютон резко критикует христианство за его пренебрежение еврейской традицией, однако, утверждает исследовательница, безусловно не солидаризируется и с евреями, упрекая их, так же как и

христиан, в отходе от истинной веры, имея в виду, судя по примерам, идолопоклонство, в котором столь часто упрекали свой народ еврейские пророки. В одном месте Ньютон разъясняет, что антихристами Иоанн называл гностиков, а гностики – это «сорт таких людей, которые впитали метафизическую философию язычников и каббалистических евреев» (5).

Таким образом, его мышление не замкнуто ни христианством, иудео-талмудической традицией, ни каббалой, а остается открытым истине, как он ее видит.

А. Алленби (1) пишет, что, по Ньютону, и евреи и христиане в конце концов должны обратиться в одну новую религию, состоящую из двух главных заповедей. Буквально трактуя пророчества Даниила и св. Иоанна, он пророчески предсказывал возврат «лучшего остатка» евреев в Эрец Израиль. Этот автор полагает, что единственной причиной их возвращения (поскольку от роли крестьян они отвыкли или их отучили) могло быть только восстановление храма, и предполагает, что в будущем Ньютон мог видеть евреев в роли священников Третьего храма, хотя отмечает, что сам Ньютон ничего о нем не говорил (1).

Кнорина, далее, приводит слова Попкина, по определению которого Ньютон сочетал подход современного библеиста с твердым убеждением в том, что «при надлежащем чтении текста Писания он сможет разгадать Божий замысел» (Popkin, 1990). Вероятно, вера в собственную способность разгадать Божий промысел сопровождала Ньютона во всех его занятиях, включая и его отношение к еврейской традиции. И, можно добавить, основанием этого была убежденность в возможность прямой коммуникации его сознания с Богом.

Теизм и религия в сознании Ньютона

Анализу религиозных концепций Ньютона в Интернете посвящена особая статья (14), в которой указывается, что религиозные взгляды Ньютона влияли на все дело его жизни. Он был английским ученым, естествоиспытателем, математиком, астрономом, философом, теологом и алхимиком. Хотя его слава происходит от научных работ, больше всего он любил свои занятия библейской

герменевтикой и написал много произведений, которые могут классифицироваться как оккультные.

Ричард Уэстфолл (Richard Westfall), ведущий биограф английского гения, утверждает: «Значительно раньше 1675 г. Ньютон стал арианцем в собственном значении этого слова»; т.е. он не верил, что Иисус – Бог. И эти его взгляды «остались неизменными до его смерти», и «он идентифицировал себя с Арием как интеллектуально, так и эмоционально» (14).

Ньютон не принимал и ортодоксальные доктрины о бессмертии души, о демоне как личности и демонах как таковых. Хотя учёный не был социанином, он разделял с ними многие похожие верования. Посланная Дж. Локку рукопись, в которой он оспаривает существование Троицы, никогда не была опубликована (14).

Ньютон отвергал тезис Лейбница, согласно которому Бог по необходимости должен был создать совершенный мир, который не будет нуждаться во вмешательстве своего Творца. В 31-м пункте своей «Оптики» он прибегает к следующему аргументу: «Поскольку кометы движутся по чрезвычайно эксцентричным орбитам во всевозможных положениях, и слепая судьба никогда не сможет принудить все планеты двигаться по одному и тому же пути концентрических орбит, могут возникать из-за взаимного влияния комет и планет друг на друга незначительные нерегулярности, которые способны углубляться, пока эта система не потребует реформирования» (цит. по: 14). Это место вызвало саркастическую критику Лейбница, который писал, что, согласно Ньютону и его последователям, «Всемогущий Бог желает время от времени заводить свои часы: иначе они перестанут двигаться. Как кажется, у Него нет достаточного предвидения, чтобы дать им непрерывное движение» (там же). Это вызвало переписку между другом и учеником Ньютона С. Кларком (Samuel Clarke), который писал, пользуясь советами первого, и Лейбницом. Кларк утверждал, что концепт Бога как сверхмирового Разума, устанавливающего «предустановленную гармонию», находится всего в шаге от атеизма (там же).

В личной переписке Ньютон иногда намекал, что и сила тяготения существует благодаря постоянному действию Бога. Его взгляды считаются близкими к деизму с тем различием, что он упоминал Бога как особую физическую причину, чтобы держать планеты на их орbitах. Он предупреждал против использования

закона тяготения, чтобы видеть в Универсуме только машину, вроде гигантских часов. Он говорил, что гравитация объясняет движения планет, но не может пояснить, кто привел планеты в движение. «Бог правит всеми вещами и знает все, что делается или может быть сделано. Наипрекраснейшая система солнца, планет и комет может возникнуть лишь благодаря разуму и власти разумного Существа... Это Существо правит всеми вещами не как душа мира, но как Господин всего; и на основе этого господства он желает именоваться “Господь Бог”, пантократор (“пантократор”), или “Всеобщий Правитель” (“Universal Ruler”)... Высший Бог – Существо вечное, бесконечное и абсолютно совершенное» (14).

Таким образом, Бог Ньютона не пассивен, а континуально действует – правит – в Универсуме. Деятельной натуре самого Ньютона, который, видимо, считал неотъемлемым атрибутом не-прерывную активность ума в мышлении, не мог быть близким подход Лейбница, устранивший непосредственное воздействие Бога на мир.

Оппозицию теизму Ньютон называл атеизмом в теории и идололatriей на практике и полагал, что атеизм настолько бессмысленен и отвратителен, что никогда не имел много последователей.

Епископ Беркли активно критиковал идеи Ньютона. Лейбниц обвинял последнего в философском оккультизме. Ньютон отреагировал публикацией своего «General Scholium» в новом издании «Принципов», где писал: «Истинный Бог – это живое, разумное и могущественное Существо... Его длительность простирается от вечности к вечности; Его присутствие – от бесконечности к бесконечности; Он правит всем» («The true God is a living, intelligent, and powerful Being; ...his duration reaches from eternity to eternity; his presence from infinity to infinity; he governs all things») (12).

Суммируя сделанные наблюдения, можно, по-видимому, заключить, что мышлению Ньютона не была свойственна модель сознания, активно порождающего догадки об окружающем мире, а затем перерабатывающего знания, полученные в результате поисковой деятельности, для коррекции этих догадок. Скорее его ум, полагаясь на свидетельства Библии и основываясь на наблюдениях и экспериментах, традиционно ищет законы, установленные Богом, те правила, по которым с ним играет природа.

Едва ли можно сомневаться, что **такие** теология и вера Ньютона не могли не формировать существенную часть эвристической синтагмы его мировоззрения.

Подводя некоторый итог вышеизложенному, можно, вероятно, заключить, что когнитивные аспекты научных, религиозных и оккультных взглядов И. Ньютона представляют собой векторы деятельности одного иерархически организованного ума, базис которого формирует незыблемая вера в существование могущественного Бога, Его Силы, стоящей за фасадом видимого Универсума. Вера, основанная на непосредственном опыте глубокого исследования строения и структуры природы, характера функционирующих в ней разнокачественных законов, на личном обращении с Ним через молитвы и чтение Библии, которую Ньютон изучал каждый день и всю жизнь. Его вера, таким образом, не слепа, а является следствием и результатом рефлексии над всеми процессами и феноменами, проходящими как в физическом, так и в духовном мирах.

Не менее существенна для его сознания интенция искать в отношениях материальных объектов, вербальных и невербальных контекстах, языковых и символических текстах, пользуясь выражением Иезекииля, «колеса в колесе», – действующих через них скрытых кодов, алгоритмов и закономерностей, являющихся, по-видимому, как проявлением действующего в мире всеобщего упорядочивающего начала, так и следствием осознанного решения акторов различного уровня, включая самого Бога, а также великих мудрецов, членов разных тайных организаций и сообществ прошлого и настоящего. Поэтому, в частности, если даже формально ученый не состоял членом последних, то фактически через свой менталитет, деятельность и социальные контакты был их активным адептом. Возникает впечатление, что для Ньютона весь мир, пользуясь известной метафорой, даже не столько театр, сколько огромная и искусно выстроенная по чертежам из чего-то вроде детских кубиков-атомов невероятно сложная, но искусственная многоуровневая конструкция, функционирующая согласно своим правилам-законам, которые все-таки можно узнавать и использовать. В то же время, например, и сами отдельные предметы (камни, кубики, кусочки мела, вещества, субстанции, атомы и т.п.) также являются продуктом разумного дизайна, формулы (химической, у Ньютона – алхимической), соответственно которой они и были

произведены разумной Силой. Все несет в себе свой продуманный чекан, план, схему, которая хитроумно инкорпорирована, встроена и увязана в цепочки и системы других технологий и субконструкций.

А эзотерические знания, мистические концепции, полагал Ньютон, как раз и являются зашифрованными посланиями, скрывающими в себе в символической и закодированной форме знания об этих формулах и законах, доступные во все времена тем, кто либо избран для этого Богом, либо сделал себя с Его помощью достойным этого.

При этом мышление английского гения внутренне абсолютно свободно, принципиально способно трансцендировать и трансцендирует все установления и конвенции не только общества, но даже религии и природы, оказываясь, таким образом, не только многомерным и разноплановым, но и запредельным относительно всех тех «игр», в которых участвует. Его мысль, «он сам», всегда не только «внутри», но и одновременно «вне» того, о чем он мыслит. Тем самым все матрицы его мышления – научная, религиозная, эзотерическая, социальная и т.д. – оказываются внутренне сгенерированными и культурно обусловленными гетерогенными инсталляциями, абсорбированными в «субстанцию» мыслящего ума, который хотя и модулируется ими, но тем не менее остается трансцендентным им в своей нематериальной сущности.

И, как представляется, логическое, ясное, рациональное мышление у Ньютона не противоречит этим установкам, а и в научном дискурсе, и в религиозных исследованиях, и в эзотерических штудиях постоянно функционирует одинаково эффективно, но всегда как бы в своей чрезвычайно существенной, однако все же не главной функции в сфере сознания: анализируя, синтезируя, делая выводы, считая, т.е. – выполняя подсобную роль важного инструмента.

Метод работы великого англичанина в его исследованиях включает в себя также следующие элементы: Ньютон сначала формирует базу данных по изучаемому вопросу в виде библиотеки книг и манускриптов, затем выделяет достоверное знание, устанавливает процедуру верификации через соотнесение новой информации с этим последним, а затем уже заключает об истинности и ложности новых данных.

Его критерий истинности, по-видимому, включает в себя когнитивную ясность, внутреннюю логическую непротиворечивость, коррелируемость с признанным ранее истинным и проверку опытом там, где это возможно (однако во многих научно-теоретических, богословских и иных ситуациях это невозможно).

Очевиден кажущийся субъективизм такого подхода на первых актах мышления: за истину принимается то, что представляется таковой уму. Но с чем сам ум соотносит проверяемое? С тем, что ему представляется таковым, т.е. с какой-то идеей, эйдосом. Откуда приходит этот последний? Берется из природы или непосредственно сообщаемся уму Богом; Бог таким образом прямо коммуницирует с разумом человека. Возможно при этом, что Ньютон считал, будто Бог непосредственно дает ему, открывает знание о мире. Божественное в человеке прямо коммуницирует со своим Источником.

Список литературы

1. Алленб A. Исаак Ньютон и Владимир Соловьев о евреях и Израиле. – Режим доступа: http://zhurnal.lib.ru/a/ari_a/newton.shtml
2. Вавилов С.И. Богословские и исторические работы Ньютона и его религиозные воззрения. – Режим доступа: <http://hbar.phys.msu.ru/gorm/fomenko/newtvav.htm>
3. Исаак Ньютон. – Режим доступа: <http://www.astromyth.tau-site.ru/History/Newton.htm>
4. Историческое прослеживание двух заметных искажений Священного Писания. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Историческое_прослеживание_двух_заметных_искажений_Священного_Писания
5. Кнорина Л. Ньютон и еврейская традиция. – Режим доступа: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/86/knorina.htm>
6. Лурье С.Я. Ньютон – историк древности. – Режим доступа: <http://hbar.phys.msu.ru/gorm/fomenko/newthist.htm>
7. Matigor. Неизвестный Ньютон. – Режим доступа: <http://physics.nad.ru/rusboard/themes/35116.html>
8. Morrison Ф. Жизнь великого Ньютона. – Режим доступа: <http://www.ega-math.narod.ru/Singh/Newton.htm>
9. Ньютон Исаак. – Режим доступа: <http://www.istorya.ru/person/newton.php>

-
10. *Порус В.Н. Ньютон.* – Режим доступа: http://wiki.ru/philosophy/elem.php?ELEMENT_ID=5832
 11. *Сурдин В.* «Астрология и наука». – Фрязино, 2007. – 96 с. – Глава из книги. – Режим доступа: <http://elementy.ru/lib/430708>
 12. *Bauer A.* The alchemy of science and mysticism. – Published by inner traditions, 2007. – Mode of access: http://www.freemasons-freemasonry.com/book_bauer.html
 13. Isaac Newton's occult studies. – Mode of access: http://en.wikipedia.org/wiki/Isaac_Newton's_occult_studies
 14. Isaac Newton's religious views. – Mode of access: http://en.wikipedia.org/wiki/Isaac_Newton's_religious_views
 15. Newton and Alchemy. – Mode of access: <http://webapp1.dlib.indiana.edu/newton/about.do>
 16. Sir Isaac Newton & the Holy Temple. – Mode of access: http://www.templeinstitute.org/isaac_newton_holy_temple.htm.